

В. А. Дмитриев

О ПРОНИКНОВЕНИИ В БЫТ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ «ВЫСОКОГО СТОЛА»

(К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ МЕХАНИЗМА ЗАИМСТВОВАНИЯ)

Подлинно научный подход к изучению социальных явлений требует, чтобы они рассматривались в их взаимосвязи. Являясь одним из условий диалектического метода, этот принцип при анализе формирования и развития национальных культур выступает и как частная методика. Исследование взаимодействия народов и их культур, а также результатов их взаимоотношений представляется одним из перспективных направлений современной этнографии, так как при таком подходе выявляются проблемы, которые могут оставаться незамеченными при изучении одного этноса. Когда исследователь обращается к «чистой» национальной культуре, он неизбежно несколько огрубляет реальность. В одном случае следы взаимодействия могут быть преднамеренно элиминированы, как собственные другой культуре (хотя они в действительности интегрированы в данной), в другом — рассматриваться как черты, органически присущие данной культуре (что также неверно, так как возникают они в процессе культурного взаимодействия).

Взаимосвязь и контакт разнохарактерных этнических групп — это обязательное условие исторического процесса. Обязательность эта может рассматриваться в двойном плане: и как неизбежность, поскольку не существовало абсолютной изоляции этносов, и как необходимость, так как информационный обмен является жизненно важным, хотя и не единственным условием поддержания существования организованных групп человечества¹.

Проблема взаимодействия этносов может быть поставлена не только в теоретическом аспекте, она имеет и практическое значение в период формирования новой исторической общности — советского народа, слагающейся из более чем ста народов СССР, когда пристальное внимание привлекают явления, возникающие на стыке национальных культур.

Взаимосвязь человеческих коллективов, исследуемая в динамике, позволяет рассматривать ее как взаимодействие, т. е. как реакцию контактирующих этносов на факт наличия соседей.

Этнические взаимодействия проявляются многообразно — от выработки реакции на контакт до изменений в материальной и духовной культуре контактирующих этносов, что в той или иной степени влияет на их дальнейшую историю. Наиболее легко фиксируемые результаты взаимодействия — это заимствования. Под этим термином понимаются как процесс передачи одним этносом культурных элементов другому, так

¹ См. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.—«Расы и народы», 2. М., 1972, с. 8—30.

и усвоенные чужеродные элементы. Понятие заимствования применимо только к сфере традиционно-бытовой культуры и при расширении его просто теряет смысл. В этом плане заимствования непосредственно включаются в предмет этнографии как науки, изучающей традиционно-бытовую культуру². Необходимо договориться, что понятие заимствования рассматривается не с позиции диффузионизма, возводившего диффузию культур в ранг общесоциологического принципа. Нет необходимости подчеркивать значение культурных связей. Гораздо плодотворнее исследование этносов в зоне их контактов.

В этнографии в ряде случаев не возникает вопрос, имеем ли мы дело с диффузией или с самостоятельным изобретением. Иногда принадлежность какого-либо заимствованного элемента известна заранее. Это позволяет сосредоточить внимание на самом процессе заимствования, а данный случай рассматривать как модель процесса заимствования.

К процессам такого рода относится появление у кавказских народов европейской мебели, в частности высокого четырехугольного («русского», как его называют на Кавказе) стола.

В традиционной культуре ряда кавказских народов бытовал небольших размеров, невысокий, круглый или вытянутый столик, часто на трех ножках — *анэ* у адыгов, *тепси* у карачаевцев, *фынг* у осетин, *табла*, *нонча*, *табаки*, *пичк* у грузинских горцев. У горцев такой столик был широко распространен.

Можно говорить о значительной древности и широком распространении столика этого типа. Он был известен населению Минойского Крита³ и Древнего Востока⁴, упоминается у Гомера в IV главе «Илиады». Низкие столики встречаются в разновременных памятниках от Хорсабада до Монголии⁵.

Для территории Кавказа наиболее ранние упоминания о низких столиках содержатся в средневековых грузинских источниках: «История Давида Строителя», «Висрамнани», «Распорядок царского двора», в иллюстрациях к «Калиле и Димне», в миниатюрах XII в.⁶

На Кавказе бытовало несколько разновидностей низкого стола. Встречаются столы с круглой или четырехугольной столешницей, укрепленной на трех или даже на четырех ножках. Основная их морфологическая черта — малый размер столешницы и низкие ножки, и как генеральный тип можно рассматривать круглый трехногий стол.

Традиционный стол представляет собой блюдо на ножках. Еду клали прямо на него. В этом плане интересен восточногрузинский тип стола — *кубдиани табаки* — столик с углублением посередине для топленого масла. Примечательно, что термины *табаки*, *тмошти*, *хони* (груз. диалект)⁷, *тепси* (карачаевск.) могут обозначать и столик и посуду. У кабардинцев столик приносили накрытым, а по окончании трапезы вешали на стену⁸. Старались подавать пищу гостям на отдельных столиках⁹. Как блюдо на ножках использовался столик у адыгейцев¹⁰ и абхазов¹¹.

² Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 74, 75.

³ A. Ewans. The palace of Minos at Knossos. London, 1930.

⁴ A. Parot. Sumer. Paris, 1960, p. 290; E. Herrfeld. Iran and Ancient East. London — New York, 1941, p. 112.

⁵ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 82.

⁶ Л. А. Бедукидзе. Народная мебель в горных районах восточной Грузии. Тбилиси, 1973, с. 140, 141.

⁷ Там же, с. 143.

⁸ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище.— «Сов. этнография», 1948, № 4, с. 120.

⁹ Г. Х. Мамбетов. Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем.— «Вестник Кабардино-Балкарского НИИ», в. 4. Нальчик, 1970, с. 90.

¹⁰ Э. Л. Коджесау. Поселения, жилище, утварь и хозяйственные постройки у адыгейцев в XIX в.— «Уч. зап. Адыгейского ин-та языка, литературы, истории», т. VII, 1968, с. 277.

¹¹ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 313.

Отсутствие в семье практики совместной трапезы было основной причиной, обусловившей бытование традиционного столика. Ели порознь, даже если семья собиралась вместе. Порядок трапезы подчинялся половозрастному делению в семье.

Особое положение традиционного столика подчеркивалось тем, что в ряде случаев он мог выступать как семейный жертвенник¹². Возможно, эта функция была первоначальной.

Таким образом, можно отметить, что низкий трехногий стол-блюдо сконцентрировал в себе многие показатели традиционной системы быта.

Появление «русского» высокого стола на четырех ножках на Кавказе относится к концу XIX в. Диффузия элементов русской культуры является следствием контактов с русским населением, особенно интенсивных в западной части Северного Кавказа. Взаимоотношения коренного населения с переселенцами были сложны и противоречивы, ибо русские выступали, с одной стороны, как носители передовой культуры и прогрессивной социально-экономической системы, а с другой — как орудие колониальной экспансии царизма. Влияние русской культуры усиливалось также благодаря этнотерриториальным изменениям, вызванным российской экспансией и Кавказской войной. Ломка традиционной системы расселения, территориально-племенного деления привела к разрушению замкнутости традиционной культуры. Механизмы, оберегавшие ее от внешнего влияния, перемещались от общинно-родового уровня к семейно-личностному.

Традиционный быт в этот период претерпевает значительные изменения, что прослеживается в планировке селений и жилищ, но проникновение в интерьер кавказского жилища русской мебели, как и прочие изменения традиционного быта, коснулись главным образом зажиточной части населения¹³, наиболее склонной при всех видах взаимодействия с господствующим этносом к деэтнизации¹⁴.

Более широкое проникновение русской культуры в народный быт коренного населения относится к советскому времени, к периоду после окончания коллективизации сельского хозяйства. Перестройка на социалистической основе крестьянского быта сделала его более восприимчивым к принятию прогрессивных элементов культуры, тем более что на данном этапе русский этнос выступает как носитель элементов социалистического образа жизни.

Интересные материалы зафиксированы Е. Н. Студенецкой во второй половине 30-х годов XX в. и в послевоенный период в быту кабардинских колхозников. Наряду с другими изменениями в их быту и в материальной культуре происходит и заимствование европейской мебели, в том числе и «русского» стола. В описываемый период в доме каждого колхозника-горца имелся высокий стол, но использовался он по прямому назначению редко. Питаться продолжали за традиционными низкими столиками. Сохранялась в значительной мере практика раздельной трапезы в семье. Горянка при шитье на швейной машине ставила ее на пол, на табуретку или на маленький столик, а сама садилась на пол. Ели за высоким столом только в случае прихода гостей¹⁵.

«Русский» стол ставится в кунацкой, т. е. в специальном помещении, предназначенном для гостей. В гостевой комнате находятся предметы наиболее «нарядные» с точки зрения местного населения. На высоких столах обычно помещают различные новинки, предметы, столь же но-

¹² Л. А. Бедукидзе. Указ. раб., с. 141; Е. Н. Студенецкая. Указ. раб., с. 120.

¹³ В. П. Невская. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964, с. 194, 195; Г. Х. Мамбегов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971, с. 166—170; Б. А. Калоев. Осетины. М., 1971, с. 156.

¹⁴ П. И. Кушнер. Этнические границы и этнические территории. — «Сов. этнография» 1949, № 1, с. 50, 51.

¹⁵ Е. Н. Студенецкая. Указ. раб., с. 120.

вые в быту кавказских народов, как и «русский» стол: чемоданы, граммофоны, швейные машины, книги, фотокарточки¹⁶. Зная ту роль, которая на Кавказе отводится кунацкой, нетрудно прийти к выводу, что оформление помещения для приема гостей должно проводиться в соответствии с идеальным, по местным понятиям, обликом жилища. Появление европейской мебели (внедрение в народный быт европейской кровати проходит аналогично) вносит некоторую дисгармонию в интерьер¹⁷, что сразу выдает чужеродный элемент.

Европейская мебель, проникая на Кавказ вследствие прогрессивных изменений быта, в свою очередь способствует дальнейшим изменениям. Интересно, например, что школьники готовят за «русским» столом уроки.

Следовательно, если судить по положению «русского» стола в быту народа-реципиента на исследуемой стадии, то можно сделать вывод, что система поведенческих установок реципиента остается мало измененной. Если в социально-политическом плане жизнь коренного кавказского населения претерпела значительные качественные изменения, то изменения традиционно-бытовой культуры протекают гораздо медленнее. Замедленность изменения поведенческих норм приводит к усложнению процесса заимствования, расчленению его на стадии.

Исследуя роль «русского» стола в системе быта кавказского населения, легко можно заметить, что используется он весьма своеобразно. Имеет значение не прямое назначение стола, а сам факт его присутствия. Каждый предмет обладает способностью удовлетворять определенные потребности, т. е. обладает потребительной стоимостью. Однако в ходе заимствования выступает как престижная, так и утилитарная ценность (или полезность) вещей. Если вторая выражает потребность использовать «русский» стол в его непосредственной функции, то первая говорит об использовании его согласно стереотипам и установкам этноса-реципиента. Эти установки могли быть и ранее присущи реципиенту, а также сформироваться в процессе контакта с этносом-индуктором.

Очевидно, престижная и утилитарная ценности свойственны любому предмету, независимо от места, отведенного ему в культуре, но соотношение их может быть различным. Предмет, присущий данной конкретной культуре, оценивается по его утилитарной ценности, в предмете, который определяется как заимствованный, соотношение может быть разрушено в сторону его престижной ценности.

Высокий стол в культуре этноса-индуктора существует благодаря его утилитарной ценности, затем этнос-реципиент принимает его по престижной ценности. «Русский» стол, стоящий в доме, говорит о повышении благосостояния семьи, причем этот показатель может демонстрировать и объективно возросшее благосостояние, и стремление хозяев подчеркнуть этот факт. Наличие «русского» стола свидетельствует о приобщенности к современной жизни и степени этой приобщенности. «Русский» стол в кунацкой существует именно для этих целей, он удовлетворяет требованиям престижной ценности. Необходимо отметить, что все эти формы престижной ценности вещей сформировались вследствие контакта с русским этносом и в результате признания прогрессивности русской культуры и отдельных ее элементов.

Заимствование еще не закончено, так как «русский» стол еще не стал предметом, полностью вошедшим в быт местного населения. На этой стадии престижная ценность вещей практически сводит к минимуму ее утилитарную ценность. Следующая стадия заимствования будет характеризоваться признанием утилитарной ценности предмета в том же значении, что и в культуре этноса-реципиента. Спустя некоторое время

¹⁶ В. П. Кобычев. Города, селения, жилище.— «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, с. 126.

¹⁷ С. М. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Нашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 167—169.

предмет, возможно, утратит все признаки, по которым его можно будет определять как заимствованный.

Рассмотрев процесс заимствования кавказскими народами «русского» стола, можно сделать некоторые выводы общего характера.

1. Заимствование не является единовременным актом, а представляет собой длительный процесс, несмотря на то что уже в начале его предмет выступает как заимствованный.

2. В период заимствования, возможно вследствие инерции процессов, происходивших в сфере традиционно-бытовой культуры, выступают как престижная, так и утилитарная ценность вещи.

3. Заимствование предполагает в качестве своей основы изменение системы быта этноса-реципиента, его потребностей и ценностной ориентации, которые могут нарастать в процессе заимствования.

На настоящем этапе, конечно, нет возможности говорить об обязательности этих выводов. Однако нам кажется, что свойственная описанному процессу диалектичность может служить если не гарантией правильности выводов, то по крайней мере достаточно интересным признаком, который не может не привлечь внимания.